

ЮЛИЯ
ГЕТТА

МОЙ
ПАЛАЧ

Юлия Гетта

Мой палач

Серия «Любовь и криминал», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67370333

Аннотация

Моя жизнь была почти идеальной. Ещё бы, ведь я умница и красавица – гордость своих безупречных родителей. Лучшая студентка на курсе, волонтер в городской клинической больнице, победительница конкурсов красоты и невеста самого завидного жениха столицы. Моя жизнь была почти идеальной... Пока не рухнула в один миг, когда однажды вечером двое громил бесцеремонно натянули мне на голову мешок прямо посреди университетской парковки, закинули в свою машину и увезли в неизвестном направлении.

Содержание

Юлия Гетта	4
1 глава	5
2 глава	12
3 глава	25
4 глава	36
5 глава	46
6 глава	55
7 глава	64
8 глава	71
9 глава	76
Конец ознакомительного фрагмента.	78

Юлия Гетта
Мой палач

* * *

1 глава

У меня была идеальная жизнь. Ну или почти. По крайней мере, многие из моих друзей и знакомых не раз говорили, что завидуют мне. Ещё бы. Единственная и любимая дочь весьма успешных родителей. Лучшая ученица в школе, а потом и лучшая студентка на курсе. Победительница конкурсов красоты, девушка самого крутого парня в самом престижном университете столицы. Алексей Соловьев или Алекс, как он сам себя называл (видимо Лёша – это слишком просто для такой крутой личности, как он), сын именитого столичного олигарха. Мы с ним составляли самую настоящую звездную пару, о которой даже писали в прессе. Но это все было не так уж важно для меня, самое главное, что у нас настоящие чувства. По крайней мере, я так считала, ведь была влюблена в него, как кошка. Все, кто нас знал, прочили нам счастливый брак, слияние двух благородных семей, бизнесов и крепкую, невероятно успешную семью. Я и сама искренне верила в это и была счастлива. Ну или почти.

Омрачали лишь обязательства, ведь принцесса должна соответствовать своему статусу. Наследница и преемница владельца одного из крупнейших и старейших заводов нашей страны не может стать обычным врачом, как мечтала с самого детства, она должна блестяще закончить факультет бизнеса и управления в самом престижном ВУЗе столицы, чтобы

стать достойной и по праву занять место своего отца, когда придёт время.

Я не особенно горевала по этому поводу. Ведь многие так живут. Лишь редкие романтики могут позволить себе идти напролом за своей мечтой, игнорируя здравый смысл. Еще реже случается, что они достигают успеха.

В конце концов, в моей жизни и без того все было прекрасно. А за счастье рано или поздно приходится платить.

* * *

Все началось с того, что я застукала своего любимого парня страстно целующимся с ещё одной из наших университетских звёзд. Не сказать, что я была в сильном шоке, Алекс никогда не отказывал себе в удовольствии пофлиртовать с горячими красотками, пачками прилипающими к нему повсюду в нашем универе, и я давно привыкла к этому, каким-то невероятным образом безоговорочно ему доверяя. Как оказалось, доверяла я зря.

В тот день я ушла с последней пары раньше обычного, разболелась голова. Ещё утром пообещала забрать Алекса с тренировки по баскетболу, что проходила в спортивном зале нашего университета. Он заканчивал чуть раньше меня, но обещал дождаться, так как его тачка находилась в автомастерской после бесшабашных гонок по ночному городу в нетрезвом виде. Я не одобряла этих его мажорных замашек

избалованного сына, пыталась перевоспитывать, как могла, и мне даже казалось, что достигла в этом деле немалых успехов. Но иногда случались такие вот случаи, после которых он неизменно клялся мне, что это все в последний раз и больше никогда не повторится, а я искренне верила ему. Дура.

В спортзале было уже пусто, и я заглянула в раздевалку, где моему взгляду открылась чудовищная картина. Развратно одетая первокурсница и мой золотой мальчик лизут друг другу губы, ополоумев от страсти.

Сначала думала, вырвет. Но обошлось.

К счастью, меня почти тут же заметили, и Алекс быстро выпроводил размалеванную фею восвояси, плотно прикрыв за ней дверь.

Наверное, я впервые в жизни так сильно злилась. Внутри всё просто клокотало от ярости, но я как могла держала себя в руках. Я знала, что этот поцелуй – всего лишь большая ошибка, и была уверена, что Алекс сейчас же бросится мне в ноги, будет умолять о прощении и пообещает, мол, больше никогда такого не повторится. А я, разумеется, прощу его. Только скажу, что если он дорожит моими чувствами и нашими отношениями, то сдержит своё обещание. И он обязательно сдержит и уж точно больше никогда так не поступит.

И откуда только я взялась такая наивная?

Он и не думал извиняться. А на мои возмущённые замечания преспокойно ответил:

– Да ладно тебе, детка, ты ведь и сама знаешь, что этот

поцелуй ничего для меня не значит. Давай прекращай истерику, и поехали уже домой.

И вроде ничего плохого не сказал, и вроде такой ответ был вполне в его стиле, но слова произвели на меня такое неизгладимое впечатление, что я даже немного оторопела.

– Ничего себе, Соловьёв, как у тебя все просто! А завтра я застану тебя в постели с этой шваброй? И ты мне с такой же милой улыбочкой заявишь, что этот секс ничего для тебя не значит?!

Он поморщился, словно я была надоедливой мухой и не давала ему спокойно делать намеченные дела.

– Не надо утрировать, Лена...

– Утрировать?! – все больше распялялась я. – Да ты разве не понимаешь, что сделал мне больно? Как я смогу теперь тебе доверять?

Он устало посмотрел на меня:

– Слушай, если ты будешь так себя накручивать из-за всякой ерунды, хуже сделаешь только себе. Успокойся уже, и поехали. – На его лице читалось лишь одно желание – побыстрее закончить этот разговор.

Я смотрела на него так, словно видела впервые. Похоже, по большой любви я успешно приписала избраннику качества, которыми он на самом деле не обладал. И как все это время я могла не замечать, что ему откровенно наплевать на меня и мои чувства?

– Ну уж нет, дорогой, сегодня ты идёшь пешком! – мсти-

тельно прошипела ему в лицо и, резко развернувшись, пошла к выходу.

– Ты хорошо подумала, детка? Я ведь и обидеться могу! – крикнул он мне в спину, но я даже не обернулась.

Возмущение было настолько сильным, что застилало глаза красной пеленой. Не помню, как дошла до парковки, громко цокая по асфальту своими острыми шпильками.

Возможно, будь я в другом состоянии, обратила бы внимание на две крепкие мужские фигуры, расхаживающие неподалёку от моей машины, заметила бы наглухо тонированный чёрный фургон, припаркованный совсем рядом. Но в тот момент мне было просто не до этого. Я лишь скользнула по ним равнодушным взглядом, не придав ровным счётом никакого значения. Только истерично жала кнопку сигнализации, которая, как назло, почему-то перестала работать. Решила, что батарейка села, – такое бывает, поэтому всегда ношу с собой в сумке запасные. Полезла внутрь, разыскивая новенькую упаковку среди конспектов и кучи всякого жизненно необходимого мне хлама, вот только отыскать батарейки было не суждено.

Внезапно перед глазами резко потемнело, и лишь через мгновение до меня дошло, что мне на лицо легла какая-то плотная грубая тряпка. Инстинктивно потянулась вверх, чтобы избавиться от неё, но не удалось, потому что руки мои тут же были перехвачены, заведены за спину и зафиксированы вместе какой-то тонкой жёсткой штуковиной, которая

болезненно врезалась в нежную кожу запястий.

Все это произошло так быстро, что я даже не успела ничего сообразить или испугаться, а когда, наконец, дошло, что происходит, мне уже крепко зажали рот прямо поверх ткани. Ещё спустя мгновение кто-то легко подхватил меня под грудь и поволок по асфальту, чиркая каблуками, которыми я изо всех сил пыталась упираться. Но мое смехотворное сопротивление, конечно, ни к чему не привело, и вскоре меня грубо закинули, по моим предположениям, в тот самый чёрный тонированный фургон.

Я только вздрогнула, когда позади с оглушительно громким звуком захлопнулась дверь. Стала кричать, одновременно пытаюсь подняться на ноги, хотя с зафиксированными сзади руками это было непросто. А когда машина рывком рванула с места, я снова рухнула вниз, больно приложившись обо что-то головой. Буквально взвыла от боли, изо всех сил закусив губу, а потом снова начала кричать и звать на помощь.

– Кара, заткни её, – донёсся до моего слуха низкий баритон, когда я набирала в лёгкие побольше воздуха для очередной порции воплей.

Оказалось, чтобы меня заткнуть, достаточно было и одной этой фразы. Я тут же испуганно притихла. Но "Кара" похоже, счёл нужным все-таки выполнить приказ и запугать меня еще больше, чтобы уж наверняка.

Мою шею больно сдавила мощная рука, прижимая к по-

ду и лишая воздуха, которого и так было очень мало в этом плотном мешке.

– А ну заткнулась, принцесса, – прохрипел над моей головой еще один низкий мужской голос. – Лучше тихо лежи, не то я тебя вырублю!

Именно в эту минуту мне стало по-настоящему страшно. Я, наконец, окончательно поняла, что это не розыгрыш и не чья-то дурацкая шутка, а меня на самом деле похитили и куда-то везут.

Вот только зачем? Чтобы продать в сексуальное рабство? Или вообще на органы...

– Меня будут искать. – Стало ещё больше не по себе от того, как хрипло и жалобно прозвучал мой собственный голос. – Мой отец очень влиятельный человек.

Но на это услышала лишь короткую усмешку.

2 глава

Ехали долго. Меня мотало внутри фургона из стороны в сторону, но я не придавала этому значения и не беспокоилась о возможных ушибах и синяках, все свои силы бросая на то, чтобы успокоиться и сохранять ум трезвым.

Я попала в чудовищную ситуацию, и последнее, что может помочь мне выбраться из неё – это истерика. Я должна держать себя в руках, должна быть спокойной и думать холодной головой, если хочу выйти из этого положения с минимальными потерями. Если, конечно, у меня будет шанс из него выйти. Но если он будет, этот шанс, пусть даже самый маленький, я обязательно им воспользуюсь.

В конце концов, меня будут искать. Отец весь город на уши поставит, когда узнает, что я пропала. Вот только как скоро он об этом узнает? В лучшем случае, сегодня вечером, когда я не вернусь домой. Но если он будет занят делами... Мама точно заметит. Она никогда не ложится спать, не поцеловав меня на ночь, а если я остаюсь ночевать у Алекса, всегда заранее предупреждаю её об этом. Она точно поднимет тревогу!

Меня найдут. Обязательно найдут. Надо только продержаться до этого времени...

* * *

Когда машина остановилась и чьи-то нечеловечески сильные руки выволокли меня наружу, я уже окончательно собралась с духом и сумела побороть панику.

Кажется, на улице уже стемнело, потому что сквозь мешок на моей голове теперь не проникало ни единого отблеска света, а открытые участки кожи остужала приятная прохлада вечернего воздуха.

– Если вы похитили меня ради выкупа, позвоните моему отцу, – стараясь придать своему голосу твёрдость, произнесла я в темноту. – Он заплатит вам любую сумму, чтобы меня отпустили.

С моей стороны это был блеф чистой воды. Если мое предположение верное и меня похитили ради наживы, то наверняка цена моей свободы превысит даже самые смелые мои ожидания. Такую сумму папа вряд ли заплатит, но чем раньше он узнает о случившемся, тем раньше меня начнут искать. Нет, мой отец не пожалеет для меня никаких денег, но дело в том, что их у него в таких количествах просто-напросто нет.

Многие думают, раз мы владеем одним из крупнейших заводов, то и живём, соответственно, как олигархи, но это не так. Вся прибыль, что приносит производство, по большей части уходит на зарплаты рабочим, ремонт оборудова-

ния и налоги. В современном мире конкуренция достигает такого высокого уровня, что невозможно держаться на плаву, не прибегая к различным коммерческим уловкам и маркетинговым ухищрениям, но мой папа – человек старой закалки и категорический противник любого обмана. А ещё он противник новых технологий и наотрез отказывался заменять людей, работающих на него, бездушными машинами, которые давно уже большую часть работы могут делать сами, экономя затраты на ту же зарплату, удешевляя производство и увеличивая прибыль. Но отец не мог взять и просто так уволить половину своих людей, только потому, что их труд теперь стал никому не нужен. Ведь им тоже нужно жить, кормить свои семьи, приносить пользу и чувствовать свою необходимость обществу. И я полностью поддерживала и гордилась своим отцом за это. В конце концов, тех денег, что мы зарабатывали, нам вполне хватало.

Миллионов нет, но по большому счёту они нам и не нужны.

Так я считала до сегодняшнего дня. Когда, возможно, именно от наличия этих пресловутых миллионов на папином счёту и стала зависеть моя собственная жизнь.

Однако пока узнать об этом мне было не суждено, заданный мною вопрос так и повис в воздухе без ответа, вместо которого меня грубо схватили за локоть и куда-то повели. Каблуки утопали в рыхлой почве, что не вселяло в меня никакой радости, а наоборот, лишало с таким трудом достиг-

нутаго душевного равновесия.

Вскоре свежий воздух сменился сырým запахом закрытого, плохо проветриваемого помещения, а каблуки зацокали по твёрдой ровной поверхности. Лестница, потом еще одна, на которых я едва не переломала себе ноги. Похититель, что вел меня, не слишком заботился о моем комфорте. Несмотря на свою вынужденную слепоту, я растерянно вертела головой в разные стороны и отчаянно прислушивалась, будто это могло помочь мне определить место, в котором я оказалась.

Мы прошли еще какое-то расстояние, и вдруг совершенно неожиданно я получила толчок в спину. По инерции пробежав несколько шагов вперёд, рухнула на колени, вскрикнув от острой боли. В ту же секунду за спиной с металлическим лязгом захлопнулась дверь, и этот звук стал первым аккордом в грядущей многочасовой симфонии моего отчаяния.

* * *

За дверью слышались приглушённые мужские голоса, но вскоре стихли и они, любезно предоставив мне возможность в полной тишине осознать всю безысходность своего положения.

Сложно поверить, что это происходит со мной на самом деле, а не является частью жуткого ночного кошмара.

Я словно впала в оцепенение от непрерывного чувства острой паники и, несмотря на дискомфорт от неудобной по-

зы (я уже давно не чувствовала ни своих ног, ни колен, на которых мне приходилось стоять), все равно никак не могла заставить себя пошевелиться.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я вновь услышала металлический лязг открывшейся и закрывшейся двери, и спустя мгновение кто-то грубо стащил с моей головы мешок. Сначала я зажмурилась, но когда глаза немного привыкли к освещению, взглянула снизу вверх на мужчину, что возвышался предо мной. Страх, сковывающий все это время мое тело, многократно усилился, доводя сознание до беззвучной истерики. Незнакомец был огромный. Высокий, широкоплечий, крепкого телосложения. Казалось, ему ничего не стоит переломить пополам мою хрупкую фигурку одной только своей рукой. Но больше всего меня напугало его лицо. Похитителя нельзя было назвать неприятным или уродливым, но черты были довольны грубыми, отталкивающими. А глаза... Глаза были страшными. Тёмными, почти чёрными, как у самого дьявола. Они пристально смотрели на меня, и мне стоило огромных усилий выдержать этот взгляд и не отвести свой.

Кто он? Зачем похитил меня? Что собирается делать? Уйма вопросов кружилась в моей голове, но я не осмелилась задать ему ни одного. Я не могла заставить себя издать хотя бы звук, настолько жутко было находиться в одном помещении с этим огромным зловещим человеком и чувствовать свою абсолютную незащищенность перед ним.

Он победил. Я не выдержала и отвела взгляд первой, оставаясь стоять перед ним в унижительной позе на коленях.

В следующее мгновение в руке мужчины появился нож, и меня тут же накрыло новым приступом паники. Я ещё не успела дорисовать себе страшные картины того, что похититель собирается делать с его помощью, но тело инстинктивно подалось назад и чуть было не потеряло равновесие. Ещё секунда, и я бы завалилась, но мне не дали. Огромная ладонь, такая твёрдая, словно её высекли из камня, зафиксировала моё плечо, не позволяя упасть.

Я зажмурилась, ожидая самого страшного, но ничего подобного так и не произошло. Он всего лишь разрезал пластиковую кабельную стяжку (как оказалось, это именно она так больно стягивала мои запястья за спиной все это время), и я тут же притянула руки к груди, дрожащими пальцами прижимая израненную кожу.

А мужчина, освободив меня, вышел из помещения через низкую металлическую дверь, и я слышала, как с той стороны два раза повернулся ключ.

* * *

Мне потребовалось некоторое время, чтобы перевести дыхание, восстановить равновесие и почувствовать себя в относительной безопасности. Насколько это было возможно в моей ситуации.

Успокоившись, я, наконец, смогла оглядеться вокруг.

Помещение, в котором я оказалась, не добавило мне оптимизма. Это была небольшая комната, но с довольно высоким потолком, под которым на длинном проводе висела пущатая «лампочка Ильича», являясь единственным источником света. Никаких окон здесь не было. Стены покрыты облупившейся штукатуркой грязно-серого цвета, под ногами – дощатый пол, местами продавленный и немного подгнивший. В углу – панцирная металлическая кровать, с отчётливо проступающими пятнами ржавчины на ножках, а на ней – старый ватный матрас неприятного жёлто-серого оттенка. Рядом низкий стол на круглых ножках, такой старый, что лаковое покрытие на нем местами вздулось и растрескалось от времени. Складывалось такое ощущение, что я попала в какой-то заброшенный дом, в котором со времён войны никто не живет. Единственным признаком цивилизации была камера, установленная под потолком в противоположном от кровати углу, да еще, пожалуй, новенькое пластиковое ведро с крышкой, из-под которой торчали края чёрного мусорного пакета.

Камера подействовала на меня словно ледяной душ, и я тут же вся подобралась от неприятного ощущения, что за мной наблюдают.

Захотела встать, но ноги так невыносимо затекли, что сделать это никак не получалось. Только завалилась на бок, кое-как вытянув совершенно онемевшие конечности, и сжала зу-

бы, когда мышцы начало беспощадно колоть. Превозмогая боль, принялась массировать их руками, обнаружив страшные синяки и ссадины на коленях. И вообще все тело болело так, словно меня переехал танк.

Нет, так дело не пойдёт. Чтобы спастись, одной холодной головы недостаточно, нужно ещё чтобы и тело тоже было в форме и в удобный момент, если конечно такой представится, меня не подвело.

Справившись с болью, кое-как поднялась на ноги, прошла по периметру комнаты, как следует размяла суставы. Стало немного легче, но тут же навалилась такая усталость, что оставаться и дальше на ногах казалось уже просто невозможным.

Под отвратительно громкий скрип осторожно улеглась на кровать, матрас которой невыносимо вонял плесенью. Но уже спустя несколько минут я перестала ощущать этот запах, прикрыла глаза и принялась уговаривать себя ни о чем не думать и постараться отдохнуть, ведь мне нужны силы.

Однако расслабиться так и не получилось, потому что с каждой новой минутой я все сильнее ощущала безжалостный позыв в туалет.

Сделать это было решительно негде, если только не... Взгляд снова упал на ведро в углу под камерой. Но я тут же отказалась от этой идеи. Мало того, что я не знала, какой угол обзора у этой штуковины, так ещё и риск быть застигнутой врасплох, если кто-то из моих похитителей вдруг

неожиданно войдет, наводил на меня ужас.

Поискала на стенах выключатель, чтобы хотя бы погасить свет, но безуспешно, кажется, он находился где-то снаружи. Похоже, меня лишили не только свободы, но и минимального личного пространства, ведь без света эта камера под потолком наверняка становится совершенно бесполезной.

Посильнее свела колени, подтянув их к себе, свернулась калачиком на неудобной кровати и сжала зубы.

Буду терпеть сколько смогу. Может снова придёт этот мужчина со страшным взглядом и позволит мне сходить в нормальный туалет. В конце концов, он же все-таки тоже человек. И я ему ничего плохого не сделала. Это совершенно точно, потому что я никогда никому ничего плохого не делала. А если все-таки не позволит, то сходить в ведро я всегда успею.

* * *

В конце концов, усталость взяла своё, естественная нужда немного отступила, и я задремала. Это был не полноценный сон, а лишь поверхностное забытьё, поэтому, когда лязгнула металлом дверь моей камеры, я подскочила на своей кровати так, будто и вовсе не спала. Я ожидала снова увидеть того страшного человека и вся мгновенно напряглась, но вместо него на пороге стоял другой мужчина.

Он не обладал такой же устрашающей внешностью, как

первый, скорее, был совсем обычным, если не считать довольно редкий рыжеватый цвет коротко остриженных волос. Но его неприятной ухмылки и сального взгляда, которым он окинул меня с ног до головы, я испугалась не меньше. Инстинктивно натянула подол платья пониже, стараясь прикрыть им ободранные колени, мысленно проклиная себя за то, что утром чего-то вдруг отдала предпочтение сексуальной женственности, вместо того, чтобы надеть более привычные джинсы, футболку и любимые "найки".

– Ну ты как тут, принцесса? Освоилась? – с издевательской интонацией поинтересовался он, а я узнала в его голосе того самого "Кару" и поёжилась. – А я вот тебе сушняк принёс да пожрать чуток, чтобы веселее было томиться.

В его руках действительно была пластиковая бутылка воды и сэндвич в полиэтиленовой упаковке из супермаркета. Он подошёл ближе и положил все это на облупившийся столик возле моей кровати.

– Кто вы? Что вам от меня нужно? – сильно осипшим голосом спросила я, стараясь игнорировать его откровенно пошлый взгляд, которым он, не стесняясь, нагло изучал вырез моего декольте.

– Могу рассказать, если хочешь, – вкрадчиво предложил он. – Если взамен обещаешь быть благодарной.

Он подошёл ближе, а я непроизвольно шарахнулась, забиваясь в угол кровати.

– Да ладно, не бойся, – снисходительно хмыкнул он. – По-

ешь пока да подумай. В твоём положении тебе совсем не помешает обзавестись тут друзьями.

Я еще не успела в полной мере осознать смысл его слов, как он уже развернулся и пошёл к выходу. Когда Кара был уже у двери, в последнее мгновение я встрепенулась и резко остановила его.

– Подождите!

Он обернулся и вопросительно посмотрел на меня, не убирая с лица своей омерзительной ухмылки.

– Пожалуйста, позвольте мне сходить в туалет.

Его улыбка стала еще шире и противнее.

– Извини, принцесса, но здесь тебе не курорт, – картинно развел он руками, после чего бросил выразительный взгляд на ведро и слегка подопнул его ногой. – Все удобства тут.

– Пожалуйста, не заставляйте меня ходить на ведро, – взмолилась я, чувствуя, как в глазах темнеет от унижения. – Я обещаю, что не сбегу и не создам проблем. Можете даже снова надеть мне на голову мешок, только прошу, отведите в нормальный туалет!

– Ишь, какая стеснительная попалась! – противно заржал он, и снова подопнул ногой ведро. – Гадь сюда и даже не парься. Что естественно, то не безобразно.

Сказав это, мужик вышел, оглушительно хлопнув дверью, а я изо всех сил сжала зубы и кулаки, до боли впиваясь ногтями в ладони.

Чертов подонок и сукин сын!

Вода в пластиковой бутылке гипнотизировала меня своей кристальной чистотой. Во рту было суше, чем в пустыне Сахара, но представить, что я пью, когда мой мочевой пузырь грозит вот-вот разорваться на части, было практически невозможно. Да и есть в таком состоянии совсем не хотелось.

Надо было решаться. Переступить через себя, через свою гордость и предрассудки и просто сделать это. В конце концов, ублюдок прав, что естественно, то не безобразно. Да какая мне вообще, в сущности, разница, что могут увидеть эти животные?! А они именно животные, ведь нормальные люди не похищают других людей и не ставят их в такие унижительные условия.

Сдерживая естественный позыв уже буквально из самых последних сил, подошла к ведру и задрала голову наверх, в который раз посмотрев на камеру.

Черт, просто не могу. Не могу и все.

Ещё с тех пор, как на первом курсе принимала участие в своём первом конкурсе красоты, при виде камеры направленной на меня, выработалась неизменная привычка держать лицо, подавать себя в самом выгодном ракурсе, чтобы потом, пересматривая запись, не пришлось краснеть. И теперь, пока я стояла под этой злосчастной стекляшкой, изображение живо и услужливо рисовало мне возможную запись,

заставляя чуть ли не выть от отчаяния.

Возникла мысль снять туфлю и попытаться разбить камеру, но я очень быстро прогнала ее прочь. Кто знает, как отреагируют на это мои похитители. Не хватало ещё быть избитой или снова связанной. Только вот заставить себя делать свои дела под прицелом этой штуки я тоже никак не могла.

Решение пришло мгновенно и в тот момент показалось мне просто гениальным. Наверное, моча ударила в голову, раз я поверила, что подобный план и вправду может сработать.

Сил было мало, с огромным трудом мне удалось подтащить тяжёлый деревянный стол под камеру, скребя шаткими круглыми ножками по полу. Скинула туфли, забралась на него, стянула с себя тонкое чёрное болеро, что прикрывало мои обнаженные плечи, и попыталась обмотать им «глазок».

Получилось далеко не с первой попытки, мои руки тряслись от усталости, гладкая ткань без конца соскальзывала вниз, но я не сдавалась. Когда, наконец, мне удалось-таки как следует обмотать эту штуку у основания, надёжно завязав рукавами, я чуть было не закричала от радости. Пусть и маленькая, но победа.

Однако радость моя продлилась недолго. Не успела я еще даже слезть со стола, как услышала позади себя до дрожи знакомый металлический лязг.

3 глава

Я медленно обернулась, но ещё до того, как сделала это, уже точно знала – там он. Словно кожей ощутила или каким-то внезапно проявившимся внутри меня шестым чувством. На пороге действительно стоял он. Одет во все чёрное, в широкие спортивные брюки и толстовку, неизменный хмурый взгляд исподлобья, словно рентгеновским лучом пронизывающий насквозь до неприятного озноба на коже. Определённо, я бы лучше ещё раз пообщалась с мерзким Карой, чем с этим вот... головорезом. Именно такую ассоциацию вызывал во мне этот грозный человек. Он поднял голову вверх, внимательно осмотрев плоды моих трудов, после чего снова перевёл свой убийственный взгляд на меня и негромко произнёс:

– Убери.

И я впервые услышала его голос. Низкий, с хрипотцой. Он пробирал меня до костей, не хуже страшного взгляда. Первым порывом было немедленно выполнить приказ, но все же зов природы оказался сильнее страха. Набрала в лёгкие побольше воздуха и, нечеловеческими усилиями заставляя себя смотреть ему прямо в глаза, сдавленно произнесла:

– Мне нужно в туалет.

Он никак не отреагировал. Просто продолжал испепелять меня своими страшными глазами, от которых невыносимо

хотелось спрятаться – зажмуриться или даже вжать голову в плечи. Но я боролась с собой как могла, с завидным упорством выдерживая его взгляд и смотря в ответ даже с подобием некоего вызова.

– Я сказал, убери это, – спокойно повторил незнакомец, доводя меня до глухого отчаяния.

Низ живота невыносимо тянуло и резало, и все происходящее сейчас напоминало какую-то изощренную пытку. Я прерывисто выдохнула и опустила глаза.

– Пожалуйста...

Я готова была умолять. Встать на колени и умолять. Даже целовать ему ноги, если потребуется, терпеть дальше было уже выше моих сил.

Но, к счастью, умолять мне не пришлось. Он вдруг отступил на шаг назад, снова распахнул дверь моей камеры и кивком головы предложил мне проследовать в открывшийся взору мрачный коридор.

– Идём.

Дважды приглашать меня не пришлось. Я тут же спрыгнула со стола и даже не обуваясь посеменила в указанном направлении.

От радости внезапной удаче и быстрой ходьбы скручивающий спазм внизу живота немного отступил, и я смогла разглядеть пространство за пределами моей камеры, вот только оно мало чем от неё отличалось. Такие же обшарпанные стены, ни окон, ни дверей, лишь длинный коридор, освещённый

тусклым светом единственного круглого плафона под потолком и упирающийся в обветшалую бетонную лестницу.

«Головорез» шёл позади меня, не держал и даже не пытался запугать предостережениями от побега, но и без того я бы не рискнула пробовать. Даже если допустить мысль, что этот человек меня не догонит и не убьёт в ту же секунду, все равно глупо было бы дергаться, не зная всей обстановки.

Мы поднялись по лестнице на два пролета вверх и наконец оказались в просторном помещении с окнами, которые на этот раз являлись источником ещё более тусклого, едва отличного от полной темноты, света. Попытки разглядеть что-либо за ними ни к чему не привели – на улице стояла темнота, и все что мне удалось увидеть, это размытые очертания то ли деревьев, то ли каких-то низких построек. Само же помещение было почти пустым, кое-где стояла потрёпанная старая мебель, покрытая слоем пыли и паутиной. В этом я убедилась, когда провела рукой по одной из целого ряда пустующих настенных полок.

Мы пересекли этот зал и попали в ещё один узкий коридор, на этот раз уже с рядом из трех обычных, немного ветхих на вид дверей.

Мужчина теперь шёл впереди меня и даже не оглядывался, словно совсем не опасался, что я могу сбежать. И что-то подсказывало мне: такая железобетонная уверенность в нем не может быть беспочвенной.

Он распахнул передо мной одну из этих дверей, зажег свет

и пропустил внутрь. За ней оказалось просторное помещение с несколькими унитазами и старинной душевой кабиной, отгороженной от остального пространства стеной из плотного темно-зеленого стекла, составленного из множества одинаковых по размеру по квадратов в форме мозаики.

Мои босые ноги обожгло холодом – пол здесь был выложен керамической плиткой, такой древней, что не угадывался даже ее изначальный цвет.

Похититель вошёл вслед за мной и плотно закрыл за собой дверь. Я растерянно оглянулась на него и не поверила своим глазам – опираясь спиной на стену, он стоял, сунув руки в карманы, словно приготовился ждать.

– Вы что, будете смотреть? – сам собой сорвался с моих губ взволнованный вопрос.

Он ничего не ответил, скользнул взглядом по тёмному прямоугольнику окна под самым потолком, добраться до которого без посторонней помощи для меня было бы просто нереально, и коротко произнёс:

– У тебя пять минут.

– Этого более чем достаточно, – сухо отозвалась я, внезапно краснея до кончиков ушей.

Без единой эмоции на лице он кивнул и наконец оставил меня наедине с унитазами.

По дороге обратно я чувствовала себя так, будто заново родилась. Теперь ситуация однозначно уже не казалась такой печальной. По крайней мере, хотя бы у одного из этих людей есть совесть. Ну или что-то на неё похожее, раз он так быстро оценил всю плачевность ситуации и отозвался на мою просьбу. И этого оказалось достаточно, чтобы вселить в меня надежду. Я сразу воспрянула духом и даже осмелела настолько, что решилась с ним заговорить. Может, он сжалятся и расскажет мне, зачем они меня похитили и что вообще происходит?

– Могу я задать вопрос?

– Нет.

Он ответил спокойно, без какой-либо интонации в голосе, но для меня это "Нет" прозвучало подобно раскату грома, моментально спустив с небес на землю.

Остаток пути мы прошли в тишине, и когда "головорез" открыл дверь моей камеры, пропуская меня внутрь, уже в пороге я неожиданно для себя самой развернулась, заглянула в его темные глаза и тихо произнесла:

– Спасибо.

Не знаю, откуда взялся этот порыв, дань моему воспитанию, или я действительно была настолько ему благодарна, что не смогла промолчать, хоть и само по себе такое поведе-

ние с моей стороны казалось полным абсурдом. Как можно быть благодарной человеку, который лишил тебя свободы, а потом внезапно снизошёл до того, чтобы позволить нормально сходить в туалет? Но тем не менее, вопреки здравому смыслу, благодарность во мне все же была.

Однако похититель на мои слова никак не отреагировал. Так и остался стоять, как неподвижная скала, но, по крайней мере, на этот раз хотя бы не промолчал.

– Убери тряпку с камеры, – сухо приказал он и, кажется, собрался уходить, со скрипом потянув на себя стальную дверь, но я внезапно остановила его.

– А если я снова захочу... в туалет? – Мой голос дрожал, но не задать этот вопрос я просто не могла.

От одной мысли, что мне придётся прожить весь этот кошмар заново, на спине выступал холодный пот.

– Я приду утром.

Сказал и, не дожидаясь ответа, закрыл дверь, на прощание лязгнув два раза замком.

– Спасибо... – прошептала я в пустоту.

Это было странно и совершенно противоречило ситуации, в которой я оказалась, но я стояла и улыбалась, глядя в закрытую перед моим носом дверь.

Стоит лишить человека всего, чтобы он как сумасшедший обрадовался даже простой возможности цивилизованно справлять естественную нужду.

А впереди меня ждала ещё одна непередаваемая по сво-

им ощущениям радость – теперь уж ничего не мешало мне с диким аппетитом наброситься на воду и еду.

Сэндвич был просто огромным, и я смогла осилить его лишь наполовину, при этом полностью утолив свой голод. Пить слишком много не стала, опасаясь, что до утра могу и не дотерпеть. После еды невыносимо захотелось спать, и, помня про то, что мне нужны силы, я легла на свой не самый чистый в мире матрас, закрыла глаза и честно постаралась уснуть.

Если не выпускать наружу и не позволять завладеть сознанием панике и дикому ужасу, что прочно обосновались где-то глубоко в области моей груди, то можно было сказать, я в полном порядке. По ощущениям, время должно было перевернуть за полночь, и наверняка меня уже ищут. Эта мысль придавала мне сил. Не знаю, откуда взялась эта уверенность, но я точно знала – меня обязательно найдут. С самого детства я непоколебимо верила в то, что мой отец всемогущ. Я знала, он не подведет. Для него нет ничего невозможного, а ради меня он горы свернёт...

* * *

Усталость была невыносимой, но уснуть никак не получалось. Видимо сказывался сильнейший стресс и нервное напряжение. Я просто-напросто не могла расслабиться. Да ещё и лампочка эта ужасно раздражала. Никогда не понимала,

как можно спать при включённом свете. Лежала долго, смотрела в потолок, потом отвернулась на бок и, наконец, задремала.

Проснулась резко, внезапно, от отчетливого впечатления, словно на меня кто-то смотрит. Открыла глаза – так и есть. Мерзкий Кара с неизменной мерзкой ухмылкой возвышался прямо над кроватью.

Неужели уже наступило утро? Так быстро?

– Хорошо, что ты проснулась, – противно растягивая слова, заявил он. – А то у меня рука не поднималась разбудить, так сладко сопела.

Я сглотнула от беспощадно обрушившейся на меня реальности и неприятного предчувствия. Нет, это был вовсе не ночной кошмар. Меня действительно похитили, и теперь я нахожусь в полной власти незнакомых и не самых порядочных людей, но самое страшное, что я до сих пор даже их целей в отношении меня не знаю.

Мужчина вдруг бесцеремонно уселся на край моей кровати, а его рука потянулась к моему лицу, заставляя меня съежиться и отодвинуться как можно дальше к стене.

– Вон, даже слюнка потекла... Дай вытру.

– Не трогай меня! – крикнула ему в лицо, одновременно пытаясь перехватить его руки.

Но получилось так, что он перехватил мои, прижав их к матрасу над моей головой.

– Тише, тише, принцесса, – прошипел Кара. – Не надо

дёргаться. Тебе лучше быть дружелюбной...

– Не смей меня трогать! – упрямо повторила я сквозь зубы, с ненавистью глядя ему в лицо.

Он отпустил руки и нагло ухмыльнулся.

– И почему все бабы такие дуры?

Я изо всех сил вжалась в стену, стараясь по максимуму увеличить расстояние между нами. От охватившего меня ужаса и омерзения на спине выступил липкий холодный пот.

– Как тебе ужин? – будничным тоном поинтересовался Кара. – Понравился? Могла б ведь и голодной остаться, если б не я. Я бы очень советовал тебе со мной подружиться.

– Что вам от меня нужно? – напряженно спросила я.

– Всего лишь немного любви и ласки, – ответил он, расплываясь в противной широкой улыбке. – Ну, разве тебе жалко? Ты ведь стопудово давно не целочка, правда? Наверняка твой мажористый друг уже много раз поимел тебя во все щели?

Мои щёки обожгло кипятком, а грудь сдавило, словно тисками. Ещё никто и никогда так меня не унижал. Никто даже близко не смел разговаривать со мной в подобном тоне.

– Да пошёл ты на хрен со своей дружбой, урод! – с презрением процедила ему в лицо.

И тут же получила звонкую, хлесткую пощёчину, такую, что в голове зазвенело и на глазах выступили слезы. Схватила за ушибленную щёку рукой, а в груди все заклокотало от мощного выброса адреналина.

– А ну повтори, сука? – Ухмылка на лице ублюдка сменилась злобным оскалом. – Или уже передумала?

От шока и паники я не могла ни ответить ему, ни даже элементарно что-то соображать. Но, к счастью, а точнее, к несчастью, отвечать на его вопрос мне не пришлось.

Дверь моей камеры скрипнула, и внутрь вошёл ещё один мужчина. Его я видела впервые, и вид у него был ещё хуже, чем у первых двух. Абсолютно лысая голова, мощная квадратная челюсть, сломанный нос и свирепый взгляд. Картину дополняла майка-борцовка, обнажающая огромные мышцы на руках и плечах, покрытых россыпью зловещих чёрных татуировок.

Когда он вошёл, Кара тут же потерял ко мне интерес и всем корпусом повернулся к нему.

– Развлекаешься? – грубым басом поинтересовался вошедший. – А я думаю, чё камера не работает.

– Надеюсь, ты не в обиде, что тебя не позвал? Ты дрых как сурок, вот я и не стал будить, – небрежно ответил Кара, из чего я моментально сделала вывод – от этого человека помощи мне ждать точно не стоит.

Лысый громила прошелся ленивым взглядом по моей фигуре и неопределенно хмыкнул.

– Палач где?

– Да он свалил куда-то ещё час назад. Думаю, до утра точно не вернётся.

– Что ж, оно и к лучшему, – пробасил громила.

Кому как, а для меня уж точно здесь ничего не было к лучшему. И, похоже, сейчас настало время, как раз наоборот, готовить себя к самому худшему.

4 глава

– Встань.

Не знаю, для кого прозвучал этот приказ, но Кара тут же поднялся с моей кровати, а я только быстро приняла сидячее положение и забилась в угол.

Вальяжной походкой лысый приблизился ко мне и непреклонно повторил свою команду:

– Встань.

Но какое там встать, я и пошевелиться не смогла от страха.

– Ты глухая? – свирепо прорычал он. – Тогда читай по губам, потому что я два раза не повторяю. Встань!

Кровь в моих венах словно превратилась в жидкий бетон, настолько сложно было заставить себя хотя бы просто шелохнуться. Я не смогла даже элементарно открыть рот, чтобы сказать ему "не могу".

Казалось, лучше умереть на месте, провалиться сквозь землю напрямик в ад или удавиться своими собственными руками, чем приблизиться к этому человеку хотя бы на один миллиметр.

Но мои страхи и пожелания, конечно, никого из присутствующих в этой комнате не волновали. Лысый ублюдок потерял терпение и схватил меня за локоть, швырнув с кровати на пол. Я вскрикнула от боли, приземлившись на свои боль-

ные колени, которые только-только начали подживать. Пока я приходила в себя и справлялась с болезненными ощущениями, этот урод медленно обходил меня по кругу, после чего остановился прямо напротив и принялся неторопливо расстёгивать свой ремень.

– Будешь послушной – бить не буду, – любезно "успокоил" он.

Ощущение безысходности достигло своего апогея.

Пришло четкое осознание – сейчас меня изнасилуют.

Я должна собраться и заставить себя отстраниться от происходящего. Абстрагироваться. Не пропускать через себя. Или хотя бы попытаться, насколько это вообще возможно.

– Соси, – раздался короткий приказ над моей головой.

Наверняка он уже достал свой член и ждёт. Но я не могла заставить себя даже просто посмотреть на него, разглядывая прогнившие доски на полу с таким усердием, будто это могло мне как-то помочь.

Черт, а ведь я не смогу. Просто не смогу и всё.

– Пожалуйста. Прошу вас. Не заставляйте меня это делать. У моего отца есть деньги. Он заплатит вам. Заплатит сколько угодно, любую сумму... – севшим голосом уговаривала я, приводя единственный имеющийся в моем арсенале аргумент.

– Твой папаша в лучшем случае сможет оплатить мне только пару хороших шлюх, не больше.

Я до боли закусила губу. Осведомленность громилы о фи-

нансовом положении моей семьи напугала меня не хуже перспективы скорого изнасилования.

– Только понимаешь в чем дело, сейчас от этого моему стояку ни хера не легче, – продолжал добивать меня он своими мерзкими словами. – Благодаря тебе я вынужден сидеть в этой жопе. Ты пойми своими зачатками мозгов, тупая ты курица, у тебя нет никаких вариантов. Кара вряд ли согласится мне отсосать, а других кандидатур на ближайшую сотню километров здесь попросту нет.

– Я тоже не соглашусь, – прошелестела я в ответ, чувствуя, как каждая клетка в моем теле звенит напряжением и злостью.

– Да что ты говоришь... – процедил лысый урод, после чего больно схватил за волосы и задрал мою голову вверх, едва не ткнув носом прямо в свой «стояк».

От омерзения меня чуть не вывернуло, и стоило огромных усилий подавить рвотный позыв.

– Я говорю, что не буду тебе отсасывать, – ответила я, с трудом выдавливая из себя каждое слово.

– Куда ж ты денешься, – с презрением хмыкнул он и, коротко замахнувшись, ударил по губам тыльной стороной руки.

Удар получился такой силы, что я упала на спину. Острая головная боль тут же раскроила сознание, а во рту почувствовался солоноватый вкус крови.

– Слышь, Серый, ты бы полегче! Давай-ка лучше я сам с

девушкой поговорю? – подал голос Кара, о существовании которого я уже успела позабыть. – Она наверняка уже и так все поняла, правда ведь, принцесса?

Я кое-как поднялась с пола, снова встав на колени. Хотела подняться на ноги, но голову вело, и я не решилась, боясь упасть. Губы горели огнем, что-то тёплое текло по подбородку. Попыталась вытереть это рукой и ощутила новый рвотный позыв от вида собственной крови.

Похоже, эти две твари были серьёзно настроены меня сломать. Да и с чего я взяла, что могло быть по-другому? Что они вдруг отступят? Не станут творить беспредел? Нет, ни хрена они не отступят. И, похоже, чем раньше я сдамся, тем меньше получу увечий. Только вот... Как потом с этим жить?

Что лучше – быть изнасилованной или жестоко избитой? Хороший вопрос. Во втором варианте будет искалечено тело, но в первом – душа. И что-то мне подсказывало, что тело заживёт куда быстрее.

Твари...

Ненавижу...

Им меня не сломать. Скорее, зубы себе сломают.

Подняла глаза и, вложив в свой голос и взгляд всю ненависть и презрение, что кипели внутри, медленно произнесла:

– Я лучше сдохну, чем добровольно позволю прикоснуться к себе мразям вроде вас.

Кажется, они удивились. Точнее, не так. Кажется, они

просто охренели. Брови рыжего задрались так высоко, что весь его лоб исполосовали глубокие рытвины морщин, а у лысого так и вовсе глаза налились кровью, мощная челюсть сжалась, и желваки заходили туда-сюда.

– Ну, ты сама напросилась, тупая шкура... – сквозь зубы процедил он и неотвратимо двинулся на меня.

Морально я была уже готова к очередному удару или даже к серии ударов, но все равно непроизвольно попятилась назад. Однако ничего подобного не произошло. Вместо того чтобы избить, этот урод схватил меня за волосы, дёрнул вверх, вынуждая встать, а потом швырнул в сторону кровати. Я машинально пролетела несколько шагов и завалилась на нее, отчего ржавые пружины пронзительно заскрипели, и вся конструкция едва не развалилась.

Не успела опомниться, как громила настиг меня и начал грубо сдирать платье, я только слышала, как ткань жалобно трещит по швам. Мои жалкие попытки отбиться ублюдох даже не замечал, и вот я уже лежала по пояс голая, безуспешно пытаюсь закрыть руками обнаженную грудь.

Впервые я пожалела, что перестала носить бюстгальтер. С некоторых пор в нем отпала всякая необходимость. Да и мне просто нравилось так, я обожала свою грудь, гордилась ею, как, впрочем, и всем своим телом. Мне стоило немалых усилий довести его до совершенства. Только теперь впервые я горько пожалела и об этом. Возможно, если бы я оставалась обычной девушкой с обычной внешностью, эти нелюди

не проявили бы ко мне интерес, не похитили бы меня и не сломали бы мою жизнь без всякой возможности восстановления.

– Что здесь происходит? – выхватил меня из оцепенения смутно знакомый низкий голос с хрипотцой, и я снова начала яростно отбиваться, но лысая тварь и без того вдруг сама отступила.

Получив свободу, я резко подскочила на кровати, уже привычными движениями быстро забившись в угол, и кое-как прикрыла ладошками грудь.

Дверь в мою камеру была распахнута, на пороге стоял тот самый "головорез", и я обрадовалась его появлению так, что готова была завопить от счастья.

Не знаю, с чего я вдруг решила, что он захочет мне помочь, а не присоединится к дружной компании моих экзекуторов.

* * *

Повисло минутное замешательство. В другой ситуации я бы даже могла подумать, что эти две твари смутились, но вряд ли таким, как они, могут быть свойственны подобные эмоции. Первым очнулся Кара и заговорил, щедро приправляя голос приторной интонацией:

– Да вот, тёлочку объезжаем! Знали бы, что ты так быстро вернёшься, подождали бы. Но ты ничего не пропустил, она

пока ещё брыкается, так что присоединяйся.

– Семён распорядился? – сухо уточнил «головорез».

– Да нет, ему-то нахуй это! – хохотнул рыжий сукин сын.

– Тогда какого хрена? – не меняя тона, так же сухо поинтересовался мой спаситель.

– Шутишь? Ты посмотри на неё! – с искренним возмущением воскликнул Кара. – Когда ещё выпадет шанс выебать такую первосортную тёлку?!

«Головорез» переключил свое холодное внимание на меня, заставляя непроизвольно сжаться в комок. Бегло прошёлся глазами по всему моему полуобнажённому телу, задержав внимание на разбитых губах, и я вся затряслась от своего гнетущего, беспомощного состояния, многократно обострившегося от этого беспощадного взгляда. Снова стало очень страшно. Что если он согласится на предложение рыжей мрази к ним присоединиться? Что если я ошиблась, и он ничем не отличается от этих двоих?

Но, к счастью, мои опасения оказались напрасными. Похоже, этот человек со страшными темными глазами рассматривать предложение рыжего в принципе не собирался.

– Если не было приказа, тогда сворачивайтесь и на выход, – потребовал он не терпящим возражений тоном, наконец, оторвав от меня свой угнетающий взгляд.

– Да завязывай! – со скепсисом отозвался Кара, мерзко растягивая гласные. – Если мы её помнём немного, Семёну это даже на руку будет!

В этот момент я, кажется, даже перестала дышать. Наверное, гораздо проще смириться со своей участью, когда шанса на спасение вообще нет, чем когда он вдруг появляется, а потом неумолимо тает на глазах. Ужасно хотелось как-то повлиять, что-то придумать, может быть, сказать им... Чтобы это сыграло в мою пользу, да только мозги уже плавилась, а придумать я ничего так и не смогла. Вряд ли какие угодно мои слова или действия могли бы повлиять на решение этого сурового мужчины, и мне оставалось лишь надеяться на чудо и молиться, мысленно проклиная свое бессилие.

Однако я и представить себе не могла, насколько этот мужчина окажется принципиален.

– Тебе платят за чёткое выполнение инструкций, а не за хренову самодеятельность, – равнодушно заметил он, одним взглядом подавляя прыть своего собеседника. – Собрались оба и пошли на выход.

Его голос прозвучал спокойно, без каких-либо эмоций, но вызвал очень острую ответную реакцию. В этой слишком тесной для трёх здоровых мужиков комнате повисло такое напряжение, что, кажется, я даже физически его ощутила. И спустя мгновение снова услышала ненавистный бас лысого верзилы, лица которого я не видела, но по интонациям в голосе чувствовалось – он просто в бешенстве.

– С хуя ли ты тут раскомандовался, слышь? Что-то не припомню, чтобы Семён тебя старшим назначил?!

– Ты серьёзно думаешь, мне нужно чьё-то назначение? Ес-

ли вы, два дебила, думаете хуями, а не головой? – И снова он произнёс эти слова абсолютно спокойно, лишь едва заметно прищурив свои страшные глаза.

Я переключила свое напряженное внимание на лысого, который оставался стоять на месте, но всем корпусом подался вперед, словно готовился к прыжку.

– Да ты кто, блять, вообще такой, чтобы так базарить?! На кого пасть свою разеваешь?! Без году неделю на Семёна батрачишь, а уже на тот свет захотелось?! Так ты скажи по-нормальному, я, блять, с удовольствием поспособствую...

– Ладно тебе, Серый, угомонись. По сути, прав же он, – неожиданно вклинился между ними Кара, как видно, почувяв беду. – Мы ведь правда здесь дело делаем, а потрахаться можно и в другом месте. Не обессудь, Палач, мы уже уходим.

– Ты серьёзно, Кара? – возмущенно прогремела лысая тварь. – Решил пресмыкаться перед этим долбоёбом? Дело, конечно, твоё. А я хуй куда отсюда уйду, пока не получу своё.

Он демонстративно развернулся и с пронзительным скрипом пружин уселся на мою кровать. Я не успела среагировать, как он схватил меня за локоть и притянул к себе так резко, что с моих губ непроизвольно сорвался испуганный вопль. Снова попыталась отбиваться, но куда там. Эта лысая гора мышц ловко пресекла все мои попытки, обездвигив обе мои руки своей одной. После чего его свободная лапа грубо вцепилась в мою оставшуюся без защиты грудь, болезненно сминая её до такой степени, что я завыла.

– Слышь, долбоёб, – с подобием странной усмешки на губах медленно проговорил Палач, внимательно наблюдая за нами. – Оставь девчонку в покое, и пойдём выйдем на улицу, побазарим.

От его слов лысый побагровел. Глаза налились кровью, ноздри то и дело раздувались так, что казалось, вот-вот из них повалит пар. Он отшвырнул меня в сторону, и я здорово приложилась о металлическую спинку кровати, но на этот раз была готова и не издала ни звука.

– Ну пойдём, мудила. Побазарим, – зловеще процедил он, громко похрустев пальцами.

В абсолютной тишине все трое, к моему кратковременному облегчению, покинули комнату, не забыв запереть за собой дверь. Но стоило мне остаться одной, как стягивающая грудь тревога вернулась, и меня заколотило от нее с неимоверной силой.

Что если этот лысый урод и вправду убьет вступившегося за меня Палача? А потом вернётся?

5 глава

Время тянулось так медленно, что казалось, будто прошла уже целая вечность с тех пор, как они ушли. Я не носила наручные часы, как, впрочем, и любые другие украшения, но сейчас впервые горько об этом пожалела. Не могла расслабиться ни на минуту, напряженно прислушивалась, в надежде поймать хоть малейший звук, доносящийся из-за металлической двери моей камеры, но за ней стояла гробовая тишина.

Мое платье было безнадежно испорчено. Попыталась хоть как-то прикрыть себя его остатками, да только лысый урод умудрился порвать ткань таким образом, что даже нитка с иголкой вряд ли бы тут помогли. Но сейчас мне было на это плевать. Сейчас меня волновало лишь то, что происходило за пределами моей камеры, там, где-то наверху.

Чтобы хоть немного отвлечь себя от тягостного ожидания, снова и снова прокручивала в голове их разговор, по несколько раз повторяя про себя каждую брошенную сегодня фразу. Мой мозг сейчас был не способен на полноценный анализ, но требовалось хотя бы запомнить все, чтобы проанализировать это потом, когда снова смогу соображать.

Единственное, что было очевидно даже без особого напряжения извилин – меня похитили по чьей-то указке. Какого-то неведомого Семёна. Что это за Семён и зачем ему

могла понадобиться обычная студентка, вроде меня, все ещё оставалось загадкой. Хотя, что уж тут лукавить, не совсем обычная я студентка. Многие считали моего отца богачем, возможно, и этот Семён не исключение. Неужели моя изначальная теория о выкупе была верна?

Почему-то внезапно вспомнился Алекс. И это воспоминание не вызвало во мне ровным счётом ничего, кроме разве что чувства досады и злости. Если б не его омерзительная выходка в тот вечер, все могло сложиться по-другому. Мы ведь должны были вместе идти к моей машине... Конечно, я понимала, что меня схватили уж точно не потому, что я оказалась не в то время, не в том месте. Эти ублюдки знали обо мне все. Про наши отношения с Алексом, про состояние счетов моего отца. Возможно, даже следили за мной какое-то время...

Стоп. Они знали про счета отца. Это лысое чмо ведь совершенно точно дало мне понять, что в курсе об отсутствии денег у папы! Значит, выкуп здесь ни при чём... Но тогда что?! Что им от меня нужно?!

Наверное, неизвестность – это хуже всего. Особенно когда эта неизвестность не даёт, а беспощадно убивает с каждой минутой надежду на лучший исход.

Внезапно замок в мою камеру лязгнул, и я буквально подпрыгнула на своей кровати.

Сразу снова заколотило от ужаса, и те доли секунд, что дверь открывалась, показались мне вечной пыткой.

На пороге появился он. Палач.

Я не знала, что это – имя, прозвище или профессия? Но ему в любом случае подходило. Особенно если учесть, что сама я немногим ранее окрестила его «головорезом». Однако сейчас этот «головорез» пугал меня намного меньше всех остальных. Более того, с его появлением я выдохнула свободно, испытав долгожданное чувство облегчения.

Лысый ублюдок его не убил и, раз Палач здесь, сам сюда не вернётся. По крайней мере, в ближайшее время. А может и вообще никогда, может, как раз наоборот, это Палач его убил? По крайней мере, судя по свежим ссадинам на его сбитых кулаках, по рассеченной брови со следами запекшейся крови было очевидно, что они дрались. Выясняли, кто тут альфа. Точно животные. Да они и есть животные.

Похоже, что победу в схватке одержал мой Палач, а иначе как ещё объяснить, что именно он сейчас здесь?

Это было мне на руку, у этого альфы, по крайней мере, имелись хоть какие-то принципы. Я не строила иллюзий, ведь отлично помнила, как он деловито поинтересовался, поступал ли приказ меня изнасиловать от этого их Семёна. Вряд ли Палач встал бы на мою защиту, если бы подобный приказ все же был.

Нельзя расслабляться ни на секунду, а тем более строить глупые иллюзии. Друзей у меня здесь нет.

Прикрыв за собой дверь, Палач не спеша пересёк комнату и подошёл вплотную ко мне. А меня снова затрясло, уж не

знаю от чего на этот раз. Наверное, чувство ужаса, перехватывающее горло каждый раз при появлении кого-то из моих похитителей, уже вошло в привычку. Я старалась не выдавать паники и отчаянно прикрывала свою объемную грудь руками и ошметками платья, но выходило не сказать чтобы очень хорошо.

Мужчина протянул ко мне руку, и я непроизвольно шагнула назад.

– Тихо, – скомандовал он, поймав рукой за подбородок.

Мягко, но настойчиво поднял мою голову вверх, внимательно осматривая разбитые губы. Я замерла под его взглядом и перестала дышать. Только сердце колотилось как бешеное, и от его стука, казалось, закладывало уши.

Спустя мгновение он выпустил мое лицо и переключил внимание на грудь.

– Убери руки, – приказал Палач, указав на нее коротким кивком.

Мои глаза расширились от новой волны удушающей паники. Зачем?! Неужели и он тоже... туда же... Просто не захотел делиться? Решил сам?

Что ж, если и так, то пусть. Пусть лучше он. По крайней мере, он один и не так отвратителен мне, как те двое. Хотя, если признаться честно, этот человек мне вообще не отвратителен. Да, пугает. До дрожи в коленях пугает, но отвращения к нему у меня нет. Пусть лучше он.

Покорно опустила руки вниз, туда же опустила взгляд.

Чтобы он ни сделал со мной, я выдержу. Пусть лучше он. Только не они.

Мужчина стянул вниз остатки моего платья, окончательно обнажив грудь, отчего кожа на ней тут же покрылась мурашками, а соски моментально затвердели. Потом он слегка коснулся левой, и горячая волна ударила мне в лицо, хоть его прикосновение и показалось мне каким-то странным, необычным. Оно не было похоже ни на ласку, ни на грубость, мужчина просто приподнял её и отодвинул чуть в сторону, словно врач на осмотре. Я подняла глаза и убедилась, что моя грудь в данный момент действительно не является объектом его внимания, потому что он изучал взглядом мой левый бок. Автоматом посмотрела туда же и увидела там огромный синяк, уходящий под грудь, на рёбра. Но разглядеть этот ужас как следует я не успела, в следующую секунду обзор загородила огромная мужская рука. Палач принялся прощупывать каждую косточку под синяком, доставляя болезненные ощущения. Я зажмурилась и терпела, не издавая ни звука.

– Больно? – раздался его низкий хрипловатый голос, лишенный каких-либо эмоций.

– Терпимо, – тихо ответила я.

– Рёбра целые, – констатировал он.

Закончив осмотр, он отпустил мою грудь, потом встал, стянул через голову свою толстовку и протянул ее мне.

– Надень.

Я взяла двумя руками плотную ткань, сжав её пальцами так, словно он может передумать и забрать обратно, и уставилась на него в растерянном замешательстве. Отчего-то стало стыдно за свои мысли. Я ведь решила, что он тоже хочет изнасиловать меня. А мужчина всего лишь беспокоился о нанесенных мне повреждениях.

Он терпеливо ждал, пока я выйду из оцепенения и послушно выполню очередной его приказ, но на мгновение я совершенно забыла, как здесь оказалась и чего от меня ждут. Рассеянно скользила взглядом по его крепкому торсу, обтянутому однотонной серой футболкой, по рельефу мышц на широких, необъятных плечах. Но более всего мое внимание привлекла татуировка, а точнее плотное переплетение самых разных изображений и узоров, составляющих вместе сплошной рукав, покрывающий его правую руку до самого запястья.

– Одевайся, и идём, – напомнил он, слегка нахмурившись.

Палач явно заметил, что я его разглядываю, а мне снова стало неловко. Спрятала взгляд в толстовку, усиленно пытаюсь найти её нижний край, чтобы надеть на себя.

Когда мое тело получило долгожданную защиту от холода и посторонних взглядов, я сразу почувствовала себя значительно лучше и уверенней. Толстовка оказалась такой огромной, что я буквально в ней утонула, но это даже нравилось мне, она легко смогла прикрыть все и полноценно заменить мое испорченное платье.

Запах чужого мужчины, немного терпкий и горьковатый, но очень приятный, проник в каждую клетку моего тела и затуманил сознание. А иначе как объяснить, что я вдруг почувствовала себя в безопасности и решила, будто могу доверять этому человеку?

– Прошу вас, помогите мне! – поймав его тёмный взгляд, горячо зашептала я. – Отпустите домой, умоляю! Мой отец щедро отблагодарит вас, он все сделает ради меня! И я буду всю жизнь благодарна, клянусь! Я все для вас сделаю! Все что захотите!

Его взгляд остался равнодушным, а лицо неподвижным. Мою пламенную речь он проигнорировал целиком и полностью, продолжая молчать и ждать, когда я выполню его приказ. Но я не хотела сдаваться.

– Прошу вас, не молчите. Не знаю, по какой причине вы с ними заодно, но точно знаю, что вы не такой ужасный человек, как они! У вас есть сердце и... сострадание...

Последнее слово я произнесла уже менее уверенно, потому что его брови сошлись над переносицей, а взгляд потяжелел настолько, что я больше не могла пошевелить даже губами от его гнёта.

– Ты неправильно сделала выводы, – сухо заметил Палач. – Мои действия никак не связаны с состраданием или чем-то подобным. Вставай и пошли.

Что ж, как бы там ни было, но я все равно была ему благодарна. Пусть даже он действовал не из лучших побуждений,

а из каких-то своих личных соображений, которые, как ни старалась, я понять пока не могла.

– Вы можете хотя бы сказать, зачем меня похитили и что меня ждёт? – напряженно спросила, цепляясь как за соломинку за любую возможность узнать чуть больше информации, раз уж тюремщик вступил в диалог.

– Завтра приедет главный и сам тебе всё расскажет. Если посчитает нужным.

Больше задавать вопросов я не стала, не видя в этом смысла. Молча спустилась с кровати, обулась и последовала за ним.

Когда мы поднялись наверх, оказалось, что утро ещё не наступило, по крайней мере, за окнами по-прежнему было темно, и я снова ничего там не разглядела.

Палач отвёл меня в уже знакомый туалет – или, точнее, в душевую, не знаю, как правильно назвать это место. Достал из шкафчика аптечку, выдал бинт, перекись водорода и лейкопластырь, после чего строго предупредил:

– У тебя десять минут, – и удалился.

Я обработала губы и ссадины, заклеила пластырем колени, сходила в туалет, отмыла кровь с рук и лица, одним словом, за отведённое мне время все успела.

Потом тюремщик проводил меня обратно и так же, как в прошлый раз, попытался закрыть за мной дверь, едва я переступила порог своей камеры. И так же, как в прошлый раз, я его остановила.

– Не знаю, из каких соображений вы сделали то, что сделали... Но все равно спасибо.

Как и ожидалось, он снова ничего мне не ответил. Но, по крайней мере, выслушал. После чего сразу закрыл дверь, лязгнув два раза замком и ушёл.

6 глава

И снова мучительно долго потянулись часы и минуты ожидания неизвестности. Казалось, будто про меня все забыли. Ко всему прочему начал одолевать какой-то навязчивый жуткий страх – что если они и правда обо мне забудут? Просто оставят здесь и больше никогда не придут? Сколько я протяну без еды и воды? Когда-то я слышала, что без еды человек может прожить месяц, а без воды всего несколько дней. Выходит, если так, то я умру от жажды.

Гнала, гнала от себя эти дурацкие мысли, но они вновь и вновь скользкими змеями упрямо лезли обратно в мою голову. Пыталась уснуть, но ничего не выходило. Стоило измученному сознанию начать проваливаться в сон, как мне казалось, будто я срываюсь и лечу в пропасть, отчего произвольно дёргалась всем телом и просыпалась. Не знаю, сколько я так пролежала. Словно целую вечность.

В какой-то момент ощутила дикий голод. Вторую половину сэндвича я доела еще утром, и если верить ублюдку Каре, что это была его личная инициатива – меня покормить, то больше еды мне не принесут. Воды тоже оставалось совсем немного, и я пила ее очень экономно. Делала один небольшой глоток, а после терпела до тех пор, пока жажда снова не начинала душиТЬ.

Заставляла себя думать о папе и маме, хоть это и было

невыносимо больно. Они, наверное, с ума сходят. Весь город на уши подняли. Папа наверняка подключил все свои связи, а у него их очень много. Меня найдут. И очень скоро. Найдут. А я должна быть сильной. Ради них. Сдаваться нельзя.

Как ни пыталась себя в этом убедить, но с каждой новой минутой надежда становилось слабее. Где-то на задворках сознания о выставленную мною защиту бились садистские мысли о том, что найти меня невозможно. Ведь я, скорее всего, где-то далеко за городом и сижу в каком-то Богом забытом подвале. В голове не укладывалось, каким образом можно меня найти. Разве что с помощью экстрасенсов. Но папа в них не верит. Да и я тоже...

Усталость, голод и стресс настолько меня измотали, что я уже с трудом заставляла себя шевелиться. Нужно было поспать. Хоть немного поспать, чтобы восстановить силы. Но сколько я ни пыталась уснуть, кутаясь в мягкую толстовку Палача, мысли, одна страшнее другой, не позволяли.

Когда за дверью, наконец, послышались голоса, я вздрогнула и подскочила, мгновенно позабыв про усталость.

Села на кровати, спину вытянула в струну, вздёрнула вверх подбородок. Кто бы там ни пришёл, я не хотела, чтобы они увидели мою слабость. Я сильная, им меня не сломить. Пусть знают.

Дверь с отвратительным скрипом открылась, и к моему ужасу на пороге появился мерзкий Кара. Но, к счастью, а может, и к несчастью, он был не один. Вслед за ним вошли ещё

двое мужчин. Один – брюнет, высокий, интеллигентного вида, одет с иголочки, в дорогом костюме, с внушительного вида часами на руке. Второй светловолосый, немного ниже ростом, но шире в плечах, намного шире... Таких еще называют "шкаф". Тоже в костюме, но уже попроще, чем первый, и какие-либо часы на руке отсутствуют. Наверняка, телохранитель первого или что-то вроде того.

– Неужели все так плохо? – на ходу задал вопрос тот, что был в дорогом костюме.

– Да там вообще без вариантов, перелом бедра, – ответил ему мерзкий Кара, мельком бросив на меня едкий взгляд.

– И где этот герой? – поинтересовался брюнет, до сих пор не потрудившись удостоить меня даже взглядом.

Будто для него в порядке вещей вот так посещать подвалы с заложницами, чтобы придавать этому событию какое-то особенное значение. Зато светловолосый не успел переступить порог, как принялся сверлить меня цепким неприятным взглядом.

– Да здесь где-то. Я ему сообщил о вашем приезде, должен сейчас подойти, – ответил Кара на вопрос своего главаря, а я уже не сомневалась, что это был именно он.

Семён или как его там. Пожалуй, познакомься я с ним в совершенно другой, даже более мирной обстановке, наверняка все равно сочла бы его очень неприятной личностью. Что-то было в нем отталкивающее. В его внешности, в манере держаться и говорить, что-то, что ощущалось на уровне

инстинктов.

Главарь степенно кивнул и, наконец, оказал честь, посмотрел на меня.

Теперь я могла в подробностях разглядеть его лицо, которое оказалось не менее отталкивающим и неприятным, чем он сам. Близко посаженные маленькие глазки, длинный заострённый нос и тонко очерченная линия губ, которая при виде меня скривилась в брезгливой гримасе. Ещё бы, видок у меня, наверное, был тот ещё. Распухшие разбитые губы, грязные спутанные волосы, синяки под глазами...

– Здравствуй, Лена, – поздоровался он, вызывая во мне ответную волну презрения.

Кто, черт побери, этот напыщенный, прилизанный ублюдок с некрасивым лицом? Откуда он меня знает? И какого черта решил, будто имеет право ломать мою жизнь?

– Мы знакомы? – стараясь хотя бы внешне оставаться хладнокровной, невозмутимо поинтересовалась я.

Край тонких губ мужчины дёрнулся в подобии улыбки.

– А ты неплохо держишься для пленницы, – безучастно заметил он. – Но это даже хорошо. Значит, сможешь с первого раза понять и сделать все, что от тебя требуется.

Кара тем временем куда-то свалил, но уже спустя мгновение вернулся, притащив с собой стул. Поставил его ровно напротив моей кровати и отошёл. Главарь тут же вальяжно уселся, по-хамски закинув ногу на ногу, а белобрысый занял место у него за спиной, продолжая сверлить во мне дыру

своим взглядом.

– И что же от меня требуется? – ледяным тоном поинтересовалась я.

– Понимаешь, в чем дело, моя дорогая... – начал было он, но я резко перебила.

– Я вам не дорогая, – огрызнулась и тут же пожалела.

Не знаю, зачем я это сделала, понимаю, что глупо, очень глупо, но это вырвалось как-то само собой, наверное, нервы мои уже не выдерживали постоянного напряжения.

Главарь на эту мою фразу промолчал, лишь слегка в удивлении приподнял брови. Зато белобрысый молча вышел из-за его спины, подошёл ко мне и схватил за волосы, больно задрал назад голову.

– Спокойно, Стас, отпусти девушку. – Главный ублюдок снисходительно махнул рукой в мою сторону, сверкнув золотым перстнем на мизинце. – Кажется, ей уже и так неплохо досталось. Правда, милая?

Стас отпустил и, словно верная псина, снова занял место за спиной своего хозяина, зыркнув на меня напоследок так, что все желание дерзить испарилось.

– Правда, – выцедила сквозь зубы, с ненавистью глядя в маленькие глазки этого до тошноты отвратительного мне человека.

– Послушай, милая, я ведь и сам не люблю все это. – И снова он махнул на меня рукой. – Насилие, угрозы, шантаж... Но с некоторыми твёрдолобыми особями по-другому

просто никак!

Я напряженно слушала, внимая каждому его слову. Но пока смысл сказанного все ещё оставался для меня тайной за семью печатями. Внимание отвлекло движение в открытом дверном проеме моей камеры, боковым зрением я заметила, что там появилась знакомая гигантская фигура Палача. Я не отважилась посмотреть на него в открытую, но снова почувствовала это. Словно он не был чужим. Словно я уже не одна стою против этих незнакомых и опасных для меня людей.

И понимала же, что это полный бред. Он преступник. Один из них. Тех, кто похитил меня и превратил мою жизнь в ад.

– Так вот, милая моя, – продолжал тем временем главарь толкать свою пламенную речь. – В том, через что тебе придется сейчас проходить, можешь винить только своего отца.

Такого поворота я не ожидала. Его слова были словно удар под дых. Из лёгких будто выкачали весь воздух, и я не могла уже сделать ни вдох, ни выдох. Едва заставила себя разлепить онемевшие губы и тихо переспросить:

– Папу?..

– Да, ты не ослышалась, дорогая, – медленно кивнул он. – Твой папаша оказался на удивление упрямым ослом. Мои подручные ему популярно объяснили, что шутить с такими людьми, как я, нельзя. Что лучше принять мое, к слову, весьма выгодное предложение, чем рисковать своим самым ценным и дорогим... Однако он то ли не поверил, то ли понаде-

ялся на чудо, одним словом, отказал. Причём в грубой форме отказал. А я, знаешь ли, всегда добиваюсь того, что задумал. Любыми путями. И за грубость он заплатит вдвойне.

– Какое предложение вы ему сделали? – сглатывая подступивший к горлу ком, спросила я.

– Неправильный вопрос, – картинно покачал головой преступник. – Ты должна была спросить: что я должна сделать, чтобы вразумить своего отца?

– Какое предложение вы ему сделали? – упрямо повторила я, чувствуя, как начинаю задыхаться от нехватки воздуха.

Папа бы никогда не стал рисковать близкими людьми из-за какой-то ерунды.

– Неужели это так важно для тебя, девочка? – показушно удивился он.

– Да, – кивнула я.

– Важнее даже, чем собственная жизнь? – приподнял он чёрную бровь.

Я хотела что-то ответить – и осеклась. Кажется, впервые за все время я, наконец, по-настоящему поняла, насколько серьёзна ситуация, в которую я угодила. Речь шла о моей жизни. Ни о деньгах, ни о риске получить вред здоровью или психологическую травму... А о том, что меня могут убить. Просто взять и убить.

– Что я должна сделать?

– Вот и умница. – Губы главаря растянулись в широкой улыбке, отчего его лицо стало ещё неприятнее. – Собствен-

но, ничего сверхсложного от тебя не требуется. Всего лишь состряпать несчастную мордашку и попросить твоего папочку тебя спасти. Это все.

Я обреченно кивнула. По крайней мере, мне дадут поговорить с отцом.

Ублюдок достал из кармана пиджака свой телефон, поводил пальцем по экрану, приложил трубку к уху и после недолгого ожидания заговорил.

– Павел Андреич? Доброго здоровьица! – приторно улыбнулся он. – А это ваш друг вас беспокоит... Я думаю, представляться нет необходимости. Павел Андреич, в самом деле, не будем ломать комедию, вы и так прекрасно знаете, кто вам звонит и с какой целью... Слышал, проблема у вас нарисовалась? Дочь любимая пропала куда-то, найти нигде не могут... Так вы не беспокойтесь, я ж её нашёл!... Да, прямо здесь она, Павел Андреич, рядом со мною. Привет вам хочет передать, трубку вырывает... Сейчас, сейчас, одну секундочку.

Мужчина развернул телефон ко мне экраном и ткнул пальцем в иконку с изображением камеры, подключив видеосвязь. Спустя несколько секунд я увидела лицо своего отца.

– Папа! – С моих губ сорвался судорожный вскрик, и я тут же закрыла рот рукой, удерживая непрошенные эмоции.

– Девочка моя...

На лице отца отражалась боль, непередаваемая боль. Ка-

залось, словно за эти пару дней он постарел лет на сто. И эта седая щетина... Не припомню, чтобы когда-нибудь видела отца небритым.

– Спаси меня, папа... – зашептала я, подавшись всем телом к экрану телефона в руке преступника. – Они держат меня в каком-то подвале, где-то за городом... Папочка, ты ведь меня спасёшь?

– Доченька, маленькая моя... – Губы отца едва заметно подрагивали, никогда раньше я не видела его таким, никогда. – Скажи мне, люди, которые держат тебя, они в масках?

– Нет... – растерянно произнесла я, не понимая, зачем он об этом спросил.

Хочет получить описание внешности? Так они вряд ли это позволят...

– Так, ну все, достаточно! – словно в подтверждение моих мыслей, воскликнул главарь, тут же выключая видеосвязь и поднося телефон обратно к своему уху.

Когда он вновь заговорил с отцом, вся наигранная любезность пропала из его голоса, сменившись ледяным презрением.

– У тебя сутки, чтобы подписать бумаги. Иначе она умрет.

7 глава

Закончив разговор, мужчина резко поднялся со стула и с яростью посмотрел на меня.

– Разве я позволял тебе отвечать на его вопросы? Кажется, ты должна была всего лишь умолять о спасении? Неужели это было так сложно?!

– Но я...

– Молчать! – рявкнул он так, что я подпрыгнула на месте. – Молись теперь, чтобы твой папаша не сглупил.

Не сразу дошло, почему этот момент его так сильно разозлил. Бросив на меня уничижительный взгляд, он резко развернулся и в сопровождении своего белобрысого пса пошёл к выходу.

– О, явился! – гаркнул главарь, наткнувшись на Палача. – Ты какого хрена моих людей калечишь?!

Тот остался абсолютно невозмутимым, впрочем, как и всегда. Кажется, гнев босса его мало волновал.

– Если бы ты нанимал профессионалов, никого калечить бы не пришлось, – спокойно ответил он.

– Извини, дорогой, с профессионалами сейчас напряжён-ка! – театрально развел руками главарь. – Именно поэтому ты сейчас здесь, а не на нарах. Не забывай об этом.

Палач в ответ лишь сухо кивнул, внешне по-прежнему оставаясь равнодушным.

– Что там у тебя? – уже более спокойно спросил главный ублюдок, и я только сейчас заметила в руке Палача небольшой бумажный пакет.

– Еда для девчонки.

Семён неопределенно хмыкнул:

– Надеюсь, не зря потратился. Давай, чтобы больше без косяков.

Палач снова кивнул.

– Стас, ты останешься здесь, приглядишь за ними.

– Но Игорь Валерьевич... – Белобрысый, кажется, не ожидал такого поворота событий.

Игорь Валерьевич? А как же Семён? Или Семён – это его кличка?

– Ты что, спорить собрался? – рыкнул главарь на своего подчиненного.

– Нет, конечно, Игорь Валерьевич. Как вы скажете, так и будет...

Я уже перестала слушать их болтовню. Все думала о том, почему отец спросил про маски и почему этот Игорь Валерьевич так разозлился из-за вопроса. И в моей голове вдруг стремительно стала складываться картинка. Отец всегда учил меня смотреть на несколько шагов вперёд, рассчитывать все возможные варианты развития событий и быть готовой к каждому из них. Он не просто так задал мне именно этот вопрос. Преступники ничего от меня не скрывали. Ни лиц, ни имён или кличек, а это значило только одно – ме-

ня не собираются оставлять в живых ни при каком раскладе. Как только отец подпишет бумаги, меня убьют. Если не подпишет – тоже убьют.

Осознание этого факта подкосило меня не только морально, но даже на физическом уровне. Я медленно улеглась на кровать, отвернувшись лицом к стене, и сиротливо подтянула к груди колени. Перед глазами снова всплыло изможденное лицо отца. Господи... Он ведь с самого начала это предугадал. Папа... Что же мне теперь делать, папа?

Раздался лязг закрывшейся двери, ненавистные чужие голоса за спиной, наконец, умолкли, и я уже решила, что меня на время оставили в покое, но спустя несколько мгновений услышала тихие шаги в помещении и поняла, что ошиблась. Не вставая с кровати, медленно развернулась и увидела Палача. Он медленно подошёл, поставил на стол бумажный пакет и сухо спросил:

– В туалет пойдёшь?

Я отрицательно покачала головой, глядя прямо перед собой. Ещё до прихода посетителей была такая необходимость, но в данный момент я ничего не чувствовала. Хотя, может, и чувствовала, но мне было плевать. Вдруг окутало такое безразличие ко всему происходящему. Да и недавний страх, что придётся ходить в ведро, теперь казался просто смешным. Какая разница, если я все равно без пяти минут труп?

– Хорошо, я приду вечером, – ответил он.

А я безучастно кивнула.

Только на этот раз Палач почему-то не спешил уходить. Стоял и смотрел на меня, слегка сдвинув брови. Это неожиданно разозлило меня. Что ему нужно? Зачем он придёт вечером? Зачем вообще проявляет эту заботу? Лучше бы он тогда послал меня куда подальше вместе с моей просьбой, как это сделал Кара! И не вступался бы ночью. К чему давать пленнику напрасные надежды? Тем более, Палач не похож на человека, который стал бы делать что-то просто так.

А может, мои надежды вовсе не напрасны?

– Сколько сейчас времени? – спросила я каким-то ошипшим голосом.

– Два, – как всегда лаконично ответил он.

И я снова медленно кивнула.

– Так рано. А мне казалось, уже должно быть часов шесть.

Нарочно медля, словно давая мне время передумать, он развернулся и пошёл к выходу, и я все же его остановила.

– Подожди! – окликнула в последний момент.

Палач обернулся и вопросительно посмотрел на меня.

– Кажется, я все-таки хочу пойти в туалет.

* * *

Когда мы поднялись наверх, дорогу нам загородила шкафообразная фигура Стаса.

– Ты куда её повёл? – набычившись, спросил он моего конвоира.

– В туалет.

– И с чего вдруг такая забота? – с подозрением поинтересовался он. – Кажется, внизу было ведро для этих целей?

– Если ты горишь желанием выносить за ней дерьмо, я не возражаю, – равнодушно заметил Палач.

Белобрысый брезгливо скривился, а я почувствовала, как жгучий стыд опалил щеки. Так вот, оказывается, в чем дело. Действительно, никаким сопереживанием тут и не пахнет. И пусть Палач больше похож на человека, чем все остальные, но это не значит, будто ему на меня не плевать.

– Ладно, идите, – снисходительно "разрешил" Стас, отойдя в сторону.

Мы пошли дальше, и я зажмурилась от яркого дневного света, заливающего комнату наверху. В груди невозможно защемило. Раньше никогда не задумывалась о том, как сильно люблю солнце и его тёплые лучики. А теперь... Возможно, я вижу его в последний раз. И то сквозь мутные оконные стекла, покрытые толстым слоем пыли и грязи. Через которые, к слову, я опять ничего не разглядела. Все, что удалось увидеть, это буйно разросшуюся зелень, кусты и деревья, и небольшой кусочек голубого неба. Похоже, место, в котором меня держали, было заброшенным. И наверняка находилось вдали от человеческих глаз.

Мы дошли до туалета, и на этот раз Палач не стал ограничивать меня по времени. Просто пустил внутрь и остался ждать снаружи.

Я постаралась не сильно злоупотреблять полученным кусочком свободы, но закончив с основными делами, тщательно обшарила шаткий облезлый шкаф, расположенный в углу. Я надеялась найти что-то острое, может, отвертку или напильник, любой предмет, который можно было бы использовать для своей защиты, но, конечно, ничего подходящего там не оказалось. Только какие-то ведра, тряпки, а на верхней полке уже знакомая аптечка, полотенца и мыльные принадлежности. Конечно, глупо было рассчитывать найти в этом шкафу оружие. Но я хотя бы попыталась.

Палач сопроводил меня обратно, завел в комнату, а я как обычно его поблагодарила.

– Спасибо, – сказала сухо, на этот раз уже не пытаюсь заглянуть в глаза, найти там что-то или к чему-то воззвать. Я уже поняла – это бессмысленно.

Однако на сей раз он не проигнорировал мои слова благодарности.

– Поешь, – кивнул на пакет с едой, оставленный им ранее на столе, и собрался уходить.

– Думаешь, в этом есть смысл? – бесцветным тоном отозвалась я, открыто глядя ему в глаза.

Он замер на мгновение, и наши взгляды встретились. Теперь уже выдерживать такой контакт было несложно, даже наоборот, я чувствовала своё превосходство, потому что была права. Но все равно ждала. Искренне надеялась на чудо и ждала, что тюремщик опровергнет мою догадку. Успоко-

ит, заверит в том, что смысл, безусловно, есть, а может, даже скажет не бояться и пообещает, что все будет хорошо... Но это были такие глупые и наивные надежды. Конечно, ничего подобного Палач не сказал. Вместо этого первым отвёл взгляд, развернулся и ушёл.

Дверь за ним закрылась, а я изо всех сил стиснула зубы, чтобы не завывать в голос.

8 глава

Отец всегда учил меня не терять время на жалость к себе, а расходовать его с большей пользой. К чему себя жалеть? Это ничем не поможет и ситуацию не исправит, так зачем напрасно тратить душевные силы? Так поступают только слабаки. А я сильная. Я не сдамся. И буду бороться до последнего вдоха.

Поэтому хватит уже вышагивать из угла в угол и трястись, Лена! Возьми, наконец, себя в руки и думай! Думай, что тебе делать!

Рухнула на кровать, выдохнула, попыталась настроить себя на нужный лад.

Я поняла свою ошибку. С самого начала я заняла выжидательную позицию, искренне веря в то, что меня спасут, а ведь это неправильно. Да, наверняка в этот самый момент папа делает все возможное и невозможное, чтобы найти меня, но ведь это еще не значит, что у него получится. Как бы мне того ни хотелось, но мой отец не всемогущ. Я не должна надеяться только на него. Надо взять ситуацию в свои руки и действовать самостоятельно.

Я одна здесь. Совсем одна. И кроме меня самой мне никто не поможет. Да, только как я смогу помочь сама себе, пока даже близко не представляла.

«У тебя всегда должен быть в запасе план Б. А еще лучше

– план В и Г и даже Д, если есть такая возможность».

«Неразрешимых ситуаций не бывает. Иногда решение лежит прямо на поверхности, но мы его не замечаем из-за того, что мыслим шаблонами. А стоит только посмотреть на проблему шире, не опираясь на привычные рамки, ограничивающие наше сознание, и решение станет очевидным».

Обычно, когда папа говорил мне подобные вещи, я не слишком внимательно вслушивалась, считая все эти заумные речи бесполезными нравоучениями. Нетерпеливо кивала, ожидая, когда же он, наконец, перейдет к главному и подскажет правильное решение моей текущей проблемы, а не будет углубляться в свою философию...

Теперь его слова всплывали в моей голове сами собой, и впервые в жизни я была за них благодарна. Жаль только, что невнимательно слушала и не запомнила больше...

Сейчас я должна придумать как минимум план Б на тот случай, если папа меня не спасет. И должна мыслить шире, чтобы понять, как именно это можно сделать.

В том, что меня собираются убить, сомнений не было. Не зря этот ублюдок Игорь-Семён-Валерьевич взбесился из-за вопроса о масках. Он явно не ожидал, что отец так быстро и просто узнает о его истинных планах. Но даже без этого я могла догадаться и раньше и сейчас мысленно ругала себя за то, что предавалась панике и страху, вместо того, чтобы думать и анализировать ситуацию. Ведь преступники действительно ничего от меня не скрывали. Ни своих лиц, ни имён,

ни кличек. Даже если отец благополучно подпишет нужные им бумаги, это не помешает ему, заполучив меня обратно, взять и отомстить. Он человек старой закалки, справедливый, принципиальный. И конечно, он ни за что не оставит безнаказанными обидчиков своей дочери. Как минимум глупо давать ему столько информации для осуществления подобных целей.

И как ни противен мне был прилизанный главарь их мерзкой группировки, глупым назвать его я никак не могла. И отчего-то верила, что он всегда добивается поставленных целей. Это не так уж и сложно, если у тебя нет ни совести, ни жалости, ни принципов. Зачем ему лишние проблемы? Нет человека – нет проблем. Меня просто не найдут, а значит, и дело не заведут. Такие, как он, вряд ли оставляют после себя следы, даже если риск от этого минимален. А в данной ситуации риск и вовсе весьма существенный. Отец наверняка догадывается, если не знает точно, кто на него наехал, а это значит, что главарь первым попадет под подозрение в похищении. А если я потом его еще и опознаю... Зачем ему этот гемор? Нет, я не жилец, это совершенно точный и неопровержимый факт.

Но я не собиралась сидеть сложа руки и ждать, пока меня убьют. В голову уже пришла одна безумная идея, но я сразу прогнала ее прочь, даже не позволив себе обдумать как следует. А ведь вариантов у меня было не так уж и много. Последующий усиленный мозговой штурм не принес ровным

счетом ничего, и я была вынуждена вернуться к тому, о чем подумала в самом начале.

Поднялась с кровати и подошла к столику, заглянув в оставленный там пакет. Бутылка воды и два контейнера с едой. В одном овощной салат, в другом ризотто с крупными кусками аппетитно обжаренного мяса. А ещё пластиковая вилка, ложка, нож и даже салфетки. Мерзкий Кара был менее изобретателен. Отчего-то я очень сильно сомневалась, что Игорь-Семён-Валерьевич отдавал им приказ меня кормить, а значит, это была действительно только их инициатива. Намерения Кары в этом плане были мне более чем понятны, а вот зачем это делал Палач?..

Провалиться мне на этом самом месте, если он мне не сочувствует!

И потом, судя по сегодняшним наездам прилизанного, Палач работает на него совсем не ради наживы. Или не только ради наживы. Похоже, он перед боссом в долгу за то, что тот вытащил его из тюрьмы или помог её избежать...

А это значит, что Палач может не одобрять методов ублюдка. И в теории способен помочь мне спастись...

В теории. А в жизни надо быть полным идиотом, чтобы на такое пойти. Даже если ну очень сочувствуешь! Подобный поступок грозит ему большими неприятностями, а возможно даже будет стоить жизни, и вряд ли человек в здравом уме станет так рисковать ради какой-то левой девчонки...

Даже из порядочных людей, ни разу не преступивших за-

кон, мало кто станет рисковать своей задницей, чтобы защитить кого-то.

Но он не похож на труса. И уже один раз защитил, хоть его боссу это явно не понравилось. Конечно, ставки не были так высоки, но что если... Я стану для Палача не просто какой-то левой девчонкой?

Что если я стану кем-то большим? Если нас что-то будет связывать, хоть что-нибудь... у меня появится больше шансов.

Да только как можно привязать к себе человека за одни сутки? Тем более такого, как он?

В голову приходил лишь один способ – секс. И пусть способ сомнительный и ненадежный, но другого у меня просто не имелось. Хороший секс, такой, чтобы мужику башню снесло.

Вероятность, что это сработает – один к десяти. А может даже один к ста. Наверняка, Палач сразу все поймет, и его принципиальность на этот раз может сыграть со мной злую шутку. Но других идей у меня попросту не было. Похоже, это оставался единственно возможным в моей ситуации план Б.

И пусть план безумный и очень сомнительный, это все равно лучше, чем ничего. В конце концов, на кону моя жизнь, и я должна хотя бы попробовать.

Я должна его соблазнить.

9 глава

Он пришёл вечером, как и обещал. Хотя из-за отсутствия чувства времени в этом подземелье мне показалось, что прошла уже целая вечность. Вся извелась, пока ждала его, продумывая детали своего плана до мелочей. Заставила себя поест, чтобы не грохнуть в голодный обморок в самый ответственный момент. И вроде настроилась, и вроде подготовила себя как следует, но стоило мне увидеть Палача, как все самообладание полетело к чертям собачьим.

От одной мысли, что я попытаюсь прикоснуться к нему, начинало колотить так, что стучали зубы.

Он не проронил ни слова. Движением головы предложил следовать за ним и повёл в знакомом направлении. Перед дверью душевой я развернулась к нему лицом и попросила:

– Можно мне принять душ? Пожалуйста, – пронзительно посмотрела ему в глаза. – Мне очень нужно.

От волнения сердце колотилось так, что уши закладывало.

Это было частью моего плана. Невозможно соблазнить кого-то в моем нынешнем виде. Наверное, мерзкий Кара, и тот бы уже не позарился. И если сейчас Палач мне откажет, выполнить задуманное будет куда сложнее психологически. Но, к счастью, отказа я от него не услышала.

– Вода холодная, – просто предупредил он.

– Мне все равно. Я вся грязная и липкая от пота. Всего

пять минут. Пожалуйста...

– Хорошо. – Он толкнул дверь душевой, пропуская меня внутрь, и сам зашёл следом.

Достал из шкафа полотенце, гель для душа и протянул мне.

– Ты можешь раздеться внутри, – проинструктировал он, указав жестом на душевые, отгороженные матовым стеклом. – Недолго. Я буду ждать здесь.

Отлично, это было мне только на руку.

Он сел на стул в углу, откинулся спиной на стену и прикрыл глаза.

Я зашла за стену, стянула с себя необъятную толстовку и трусики, повесив все вместе с полотенцем на специальный крючок в углу. Открутила ржавые скрипучие вентили, быстро помылась, дрожа под ледяными струями воды, беспощадно впивающимися в мое тело. С мазохистским удовольствием вдыхала аромат мятного мужского геля для душа, тщательно промыла им волосы и даже прополоскала рот мыльной водой. На зубах чувствовался неприятный налёт, потёрла их пальцем и поскребла ногтем. Это, конечно, не зубная щётка, но все же лучше, чем ничего. Теперь, когда Палач с такой лёгкостью позволил мне помыться, я немного воспаряла духом и была твёрдо намерена осуществить свой план. От собственной смелости сносило башню. Адреналин шпарил в кровь, и меня буквально потряхивало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.